

12+

Елена Чечеткина

**НОВЫЕ СКАЗКИ
НЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**

Елена Чечёткина

Новые сказки не нашего времени

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чечёткина Е. А.

Новые сказки не нашего времени / Е. А. Чечёткина — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07670-9

Второй сборник сказок того же автора. Читателю гарантируется разнообразие жанров (фэнтези-фантастика-научная фантастика). Хоррора, извините, нет: автор против запугивания, он ограничивается предупреждением. Зато в каждой сказке - счастливый конец или, по крайней мере, надежда на него.

ISBN 978-5-532-07670-9

© Чечёткина Е. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Преуведомление	5
1. Высокие технологии	6
2. Ассистент	10
3. Суд идёт!	16
4. Небесный танцор	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Преуведомление

Прежде всего, почему «новые»? Потому что старые, точнее, предыдущие уже были; первый сборник под названием «Сказки не нашего времени» вы можете посмотреть и взять себе безвозмездно (то есть, бесплатно) здесь же, в Самиздате ЛитРес'а на полочке автора. Этот сборник тоже безвозмездный. И не потому, что автор такой уж бессребреник. Отнюдь! Просто на авторские от такой книжки даже кошку не прокормишь, потому что мои Сказки – чтение не для «широкой» публики. Моя публика, увы, «узкая». Привет, друзья! Приглашаю к столу со свежей духовной пищей. Сегодняшнее меню:

- 1. Высокие технологии** [Осторожно! Боги Олимпа продолжают свои игры с людьми]
- 2. Ассистент** [Новая профессия работа Азимова: психотерапевт-геронтолог]
- 3. Суд идёт!** [Последний суд может оказаться совсем не последним...]
- 4. Небесный Танцор** [Кому нужна религия?]
- 5. Кольцо Миранды** [Русский учёный вступает в контакт с иностранным призраком и оказывается втянутым в средневековую драму любви и предательства]
- 6. Вместо дракона** [Посвящается котам – великим манипуляторам]
- 7. Победитель** [Путешествие во времени как способ реализации своего призвания]
- 8. Чёрные братья** [Вся правда о космических няньках]
- 9. Хохолок** [Вы знаете, откуда у панков ирокезы?]
- 10. Экзамен** [Как получить путёвку в Космос]
- 11. Только не психоанализ!** [Особенности развития и лечения депрессии у драконов]
- 12. Ромашка** [Вернуться на Землю – в буквальном смысле]
- 13. Пси-сказка** [Спокойной ночи, малыши!]
- 14. Навестить Марию** [Легенда о Големе в московских декорациях]

Можно читать последовательно, можно вразбивку. Подсказка: сказки 1, 3, 6, 11 и 13 – достаточно весёлые, остальные – недостаточно. Однако во всех наличествует хэппи-энд или хотя бы надежда на него.

1. Высокие технологии

Зевс был не в духе.

– До чего измелечал народец, – с отвращением пророкотал он и бросил вниз пару молний. Не прицельных, просто чтобы немного развеяться.

– Расшевелить их надо, – тут же подскочил Гермес. – Можно, папа?

– Сиди тут. Знаю я, как ты расшевеливаешь. Потом последствий не оберёшься. Ещё шан-дарахнут по Олимпу бешеным атомом – тут нам и конец. Вам-то уж точно, а я на Марс переправлюсь или, скажем, на Венеру. – Он сладострастно ухмыльнулся. – Погрею старые кости.

– Никаких последствий, папа, – горячо запротестовал Гермес. Я поиграю не здесь. В Италии, например. Там в Ватикане один человек объявил себя представителем Бога на Земле. Ты в курсе, отец?

– В курсе. Пускай забавляются. – Зевс усмехнулся. – Ладно, лети, сынок. Только без экстрима. И папу тамошнего не трогай – имей уважение к старости.

Гера появилась, как всегда, неожиданно и некстати.

– Что ты говорил о прогреве старых костей, повелитель? Переезжать надумал, мой царственный? О семье не забыл?

«Опять подслушивала», – угрюмо подумал Зевс и махнул рукой Гермесу:

– Иди сынок, без тебя разберёмся.

Воспользовавшись моментом, Гермес упорхнул и материализовался в своём любимом бельведерском дворике Ватиканского музея, смешавшись с толпой туристов. Пока он не соби-рался начинать игру со смертными – хотел лишь повидать своих родственников в том виде, как их представляли себе люди. Вот сводный брат по отцу, Геракл – бронзовый гигант с фиго-вым листиком. Братишка этакой гадости сроду не носил, и вообще любил выставлять своё тело таким, как есть. Красивое тело, надо сказать, натренировал. Правда человеческое – мама была не из богов. Но Гермесу он нравился куда больше старшего братца, чистокровного. Он злорадно ухмыльнулся: у Аполлона листика не было, зато пенис был отбит, и руки частично тоже. Впрочем, к истинному его облику статуя всё равно не имела никакого отношения. А вот явленная в скульптурах любовь людей к богам – да, это видно.

Молодцы всё-таки эти смертные! В особенности Микеланджело – по делам его сам почти бог. Жаль только, что родился слишком поздно, на Олимп тогда уже не брали, а то был бы у нас бог-художник. Гефест, конечно, хороший мастер, но всё больше по кузнечному делу... Пстой, а не его ли сынок этот самый Микеланджело? Притом, что в те времена путь с Олимпа на Землю был полностью перекрыт по строжайшему приказу Зевса: отец тяжело переживал расцвет христианства. Интересный шантаж наклёвывается, между прочим!

Так размышлял Гермес, продвигаясь с толпой к музейным переходам, ведущим в сик-стинскую капеллу, его первую игровую площадку. Он не выделялся в толпе (ещё не время) и выглядел как простой студент в сандалиях, джинсах и футболке с призывом против абортов. Только время от времени какой-нибудь малыш начинал кричать и плакать, нечаянно взглянув в его сторону. «Смотри-ка, – умилялся про себя Гермес, – сохранилось ещё чутье в человеках». Так он вместе со всеми дошел до сикстинской капеллы. Боковые фрески были неплохи, но без божьей искры – ничего с ними поделать было нельзя. А вот потолок и алтарь, расписанные Микеланджело... Да, там было чем поживиться.

– Потолок капеллы – шедевр Микеланджело. Это библейские сюжеты: оживление Адама, изгнание из рая...

Тут экскурсовод на время заткнулся, потому что промежуток между рукой Бога и рукой Адама стал явственно сокращаться. Касание! Толпа внизу сделала вдох и забыла выдохнуть,

наблюдая за тем, как глаза Адама приобретают осмысленность, а голова начинает выходить из фрески, поворачиваясь при этом к стоявшим внизу. Адам удивлённо разглядывал туристов. Кто-то завизжал на выдохе. Экскурсовод очнулся:

– Спокойно! Это голографическая проекция! Хай-тек! Высокие технологии! – взывал он к подопечным, сам не понимая, что несёт.

Публика несколько успокоилась. Но когда зашевелился гигантский разящий Иисус на фронтальной фреске Страшного Суда, нервы не выдержали у всех. Народ во главе с экскурсоводом ломанулся в двери, на выход. Давка, крики, завывания... Гермес с удовлетворением наблюдал пронесшуюся мимо толпу, лишь поднимал упавших старичков, чтобы не затоптали. Как наказывал отец: старость надо уважать.

Капелла опустела. Гермес подул на фрески, успокаивая их, и вышел через особую дверь прямо в собор Святого Петра. «Неплохо, – промурлыкал он про себя, направляясь через роскошно отделанные залы к выходу из собора, – хотя несколько аляповато». Ему больше нравился строгий стиль Гефеста: в золотых дворцах на Олимпе не было ничего лишнего и никаких украшений, кроме великолепного литого узора.

Площадь Святого Петра встретила его дыханием дантова ада. В июле в Риме вообще очень жарко, а присутствие бога прибавило еще несколько градусов – энергия истекала из Гермеса, как пот из туриста. Сам он, впрочем, был свеж как огурчик. «Номер два», – сказал себе Гермес и взлетел на верхушку колонны в центре площади, накинув на себя облик Геракла. Без фигового листика, конечно, но из уважения к приличиям (всё-таки город, не музей) со шкурой немейского льва на бёдрах. Толпа внизу, не очень густая по случаю жары, притихла. Потом по толпе прошёл ропот, и кто-то запел христианский гимн. Кто-то с криком «Изыди, Сатана!» воздевал кулаки к небу. Гермес-Геракл лишь усмехнулся и принял вид Аполлона Бельведерского, только целого – с руками и с пенисом.

Два подростка внизу радостно завопили: «Классная голограмма! Хай-тек!» Гермесу это не понравилось. Опять! То, что он являет смертным – это не обман, а настоящая иллюзия. Его мать, богиня иллюзий Майя, поделилась с сыном профессиональными секретами. При чём тут этот жалкий человеческий хай-тек? Медленно закипая, Гермес-Аполлон вложил стрелу и направил её в одного из вопящих. В тот же миг ему в глаз попал лазерный луч, вылетевший из палочки в руках второго пацана. Прицел сбился, и стрела вонзилась в мелкую собачонку, которая подняла визг на всю площадь. Еще бы! Болевой заряд, предназначенный человеку, попал в тщедушное болончье тельце.

Представление сорвалось, но Гермес не слишком огорчился – впереди был основной аттракцион. Помахав зрителям, он принял свой любимый облик Посейдона с трезубцем и под человечесьи крики и затихающий собачий визг неторопливо полетел по *Via Della Conciliazione* в сторону Тибра, над которым и растворился в воздухе.

Вскоре среди парочек ряженных гладиаторов, отлавливающих туристов на фото у стен Колизея, началось нездоровое оживление. Оно передавалось от одной пары к другой, по мере продвижения невзрачного молодого человека с рюкзаком за спиной. Юноша представлялся как студент института кинематографии, операторский факультет, и предлагал заманчивую халтурку. «Вам не надоело вымогать еврики у этих придурков? Не хотите развлечься и заодно заработать?» Гладиаторы, вынужденные отдавать солидный процент своим мафиози, Бруно и Марко, были не против поработать сверхурочно.

План молодого человека был прост. Вечером, после официального закрытия Колизея, две группы гладиаторов покажут бой на арене для зрителей, отобранных за оставшееся рабочее время из числа туристов. С администрацией человек уже договорился – ворота им откроют.

– Но там же нет арены, – говорили ему, – Только небольшой бутафорский настил с краю!

– Будет вам арена. Временная, но очень прочная, – обещал студент и показывал пустой листок с логотипом Колизея и печатью.

Гладиаторы внимательно читали и одобрительно переглядывались:

– О! Новые технологии!

– Цена за представление 40 евро с человека, – продолжал студент, – но авансом вносится половина, а вторая – после окончания представления, и только если оно понравится. Якобы половинная цена – ловушка для глупых и жадных туристов (гладиаторы согласно кивали).

Билеты выглядели очень солидно, пояснение об авансе пропечатано. Парень объяснил, что ему нужна съемка для дипломного проекта – деньги его не интересуют, гладиаторы могут забрать всё себе. Но сражение (люди Марко против людей Бруно, ОК?) должно быть отыграно от души. Гладиаторы согласились – каждый итальянец в душе романтик и артист – и принялись набирать публику на вечернее шоу.

К вечеру жара только усилилась. На горизонте, с юго-восточной стороны, поднималась чёрная пелена. Римляне с надеждой поглядывали туда, предвкушая мощный грозовой ливень. Гермес зябко повёл плечами, но отменять шоу не стал – до грозы ещё есть время. Он дал знак охранникам, ворота Колизея впустили гладиаторов и толпу обилеченных: бойцы вышли на арену, а зрители поднялись в амфитеатр и замерли в предвкушении. Молодой человек появился внизу в тунике распорядителя, выстроил лже-гладиаторов в две шеренги (люди Марко против людей Бруно) и воздел руки к небу:

– В бой, Христовы воины! Вы все попадёте в рай!

Концовка артистам не понравилась – у них были другие планы на этот вечер, да и на последующие тоже. Но бедовый юноша, подмигнув им, тихо добавил: «Дайте мне красивую картинку, ребята! Удачи!» и хлопнул в поднятые ладоши, подавая знак к началу.

Шеренги сдвинулись, затрещали деревянные мечи – только щепки летели. Вскоре гладиаторы почувствовали, что бутафорские доспехи тяжелеют и холодеют, будто металлические. Мечи удобнее легли в руку и стали издавать звон. «Как я вжился в образ – настоящий артист!» – возгордился каждый, и бой закипел с новой силой. Зрители думали: «Молодцы! Красиво рубятся! Даже мечи звенят словно настоящие!», и тоже включились в игру – кричали, свистели и аплодировали. Взаимное заблуждение продолжалось недолго: один из мечей столкнулся с живой плотью, и человек, заорав от боли и ужаса, упал на песок, пытаясь зажать глубокий порез на бедре, из которого хлестала кровь. «Какой артист!», – восхитились зрители, но как-то неуверенно. Потому что люди Бруно и люди Марко прекратили молотить друг друга и вытаращились на раненого.

«Ты был прав, папа: измельчал народец, – подумал Гермес. – Где древняя кровь? Прервать такой великолепный бой! Пора вводить подкрепление». И ввёл: из шести выходов, опоясывающих арену, появились шесть львов. Бедные звери, внезапно выдернутые из родной саванны, были разъярены и испуганы. Прямо перед собой каждый из них увидел группу людей – конечно, эту подлость с ними проделали двуногие, как всегда. Обхлестывая бока хвостами, все шестеро с рычанием двинулись к центру арены. Древняя кровь не подкачала: люди Марко и люди Бруно, мгновенно образовали общий круг, плечо к плечу, оцетинились мечами и приготовились к нападению хищников. Публика взревела. «Живая голограмма! Супер! Хай-тек!» – вопили восхищенные зрители. Тут уж Гермес не выдержал – ведь львы были настоящие, даже не иллюзия! – и принял свой истинный облик.

Все обалдели. Африканские львы распластались на арене, спрятав головы в лапах. Люди в оцепенении уставились на четырехмерную фигуру бога, мерцающую над их головами. Самые слабонервные начали отключаться – но тут надвинулась, наконец, грозовая пелена и скрыла невероятное. Хлынул ливень, стены Колизея потряс мощный многоголосый гром. Вместе с ливневыми потоками зрители и гладиаторы устремились к выходам. Охранники поспешно закрывали ворота. Последний задержался, зачарованно наблюдая, как арена, по которой только

что топали три десятка мужчин и шесть львов, тает под струями воды. «Кстати, где львы?» – подумал он и вышел из транса; быстро закрыл ворота и запрыгнул в свою машину.

Утро было свежим и солнечным. Римляне, возбуждённо жестикулируя, обсуждали вчерашнее происшествие в Колизее. Скучную информацию давали только гладиаторы, причём за большие деньги. Остальные очевидцы предпочитали отмалчиваться и свои смартфоны не показывали. Только старенький профессор истории Древней Греции и Рима, побывавший вчера в Колизее из чисто научного интереса, утверждал, что видел бога и слышал в громовых раскатах слова: «Прекрати, паршивец! Живо домой!» На вопрос, почему никто кроме него этого не слышал, профессор отвечал, что сказано было на древнегреческом, и это просто позор, что никто из присутствовавших на историческом представлении не знал языка предков. Тут он сообразил, что стоит на площади Рима, а не Афин, и поправился: «Я хочу сказать, античных предков, столпов нашей культуры» – и в запале предложил организовать при Колизее курсы древнегреческого, хотя бы для гладиаторов. Те отшатнулись, а остальные не обратили внимания: кто же слушает профессоров? Тем более, стареньких и без смартфона. «Выжил из ума, бедняга, или тронулся от потрясения» – таков был общий вердикт, и народ стал творить свою версию происшедшего. С привлечением интернета, конечно. Хай-тек!

Гермес с удовольствием следил за переполохом внизу, параллельно осваивая захваченные с собой смартфоны и ноутбук – Зевс в спешке и гневе не углядел, чем занимается сынок под покровом грозовых туч. Ничего, через год отцовский запрет покидать Олимп закончится, и можно будет снова поиграть. Интернет плюс магия дают такие возможности! Покровитель воров и торговцев плотоядно улыбался, мечтая о следующем визите. Скоро он отправится в Россию – там как раз становится очень интересно.

2. Ассистент

Три закона роботехники (А. Азимов):

Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред;

Робот должен выполнять приказы человека, если это не противоречит Первому Закону;

Робот должен заботиться о своей безопасности, если это не противоречит Первому и Второму Закону.

Я лежу на плоской поверхности. Открываю глаза – белый потолок, ниже стена с закрытой дверью. Они тоже белые. Сбоку окно в сад. Деревья зелёные. Кто я? Почему я узнаю деревья, но не узнаю себя?! Чернота. Небытие. Снова ощущаю себя лежащим. Лежать удобно – поверхность упруго-мягкая, но пошевелиться не могу, потому что тело, руки и ноги зафиксированы. Голова тоже зафиксирована – в каком-то шлеме, судя по ощущениям. Пытаюсь пошевелиться и слышу голос: «Спокойно, не дёргайся. Можешь открыть глаза, только лежи спокойно». Открываю глаза и вижу над собой человеческое лицо. Спрашиваю: «Кто я?» Человек говорит в сторону: «Вик, заканчивай скорее, он очнулся». Потом мне: «Сейчас всё узнаешь. Полежи ещё немного, скоро закончится». Я чувствую, как через шлем в меня вливается информация. Поток мощный, временами как бы захлёстывает, но ощущение, скорее, приятное. Появляется уверенность и, наконец, знание – кто я. Человекообразный робот.

Резкая, но короткая боль в голове. Я вскрикиваю и зажмуриваюсь. Человек говорит кому-то за моим изголовьем: «Эй! Осторожней с контактами!» Потом я чувствую, что поток иссяк. Я открываю глаза и вижу двоих людей. Одного я уже видел, а второй держит шлем с толстым проводом и виновато улыбается. Первый говорит:

– Привет, Руперт! Теперь можешь встать. Давай знакомиться. Я – Джей, а этот неумеха – Вик. Мы роботехники и только что тебя активировали. Первоначальную информацию ты получил в полном объеме, и мы можем откланяться. Работать будешь под началом доктора Молэя. Он тебе объяснит твои обязанности. Ну, пока. Ещё увидимся.

– Подождите, – говорю я. – Почему Руперт?

– Официально твоё имя РУИП-3, что означает «Робот по Уходу за Инвалидами и Престарелыми, третий в серии». Человекообразным роботам мы всегда даём человеческое имя близкое к аббревиатуре специализации. «Руперт» тебе подойдёт? Сокращенно Руп.

– Подойдёт, – отвечаю я.

Дверь открывается, входит пожилой подтянутый человек в белом халате, очевидно, это и есть мой шеф.

Доктор Молэй прощается с роботехниками и поворачивается ко мне.

– Ты выглядишь совсем как человек! – вырывается у него. – И как мне представить тебя пациентам?

– Руперт, медбрат и ваш ассистент, – уверенно отвечаю я. Очевидно он никогда раньше не имел дела с человекообразными роботами. – Не волнуйтесь: я не причиню вреда ни вам, ни им; я просто не смогу этого, даже если бы захотел. Что тоже совершенно невероятно.

– Ну да, азимовский робот, три закона роботехники...

– Так точно, – улыбаюсь я. – Пациентам не стоит сообщать это, как вы думаете?

– Не стоит, – соглашается Молэй, – пациенты у нас специфические. Поэтому и персонал надолго не задерживается, особенно средний: нянечки, сёстры. Может быть, такие, как ты – решение проблемы. Посмотрим. Какая у тебя подготовка?

– Стандартный курс медицинского института. Плюс специализации по геронтологии, сестринскому делу, неврологии, психотерапии и физиотерапии.

– То, что надо! – обрадовался доктор. – Идём знакомиться с персоналом и пациентами. Кстати, персоналу тоже незачем знать, что ты робот.

2 ноября.

Сегодня доктор Молэй попросил меня вести ежедневный дневник – после отбоя, когда наши пациенты, предположительно, спят, а я сижу в своей комнате на дежурстве. Он объяснил мне, что хочет наблюдать, как человекообразный робот вписывается в схему ухода – его сильные и слабые стороны. Конечно, подразумевается ещё и контроль за моей деятельностью. Я осознаю его беспокойство; более того, разделяю его. Всё-таки он впервые сталкивается с таким необычным сотрудником. Интересно, что произошло с номерами 1 и 2 в моей серии? Итак, первая запись.

Сегодня третий день моей работы в пансионате «Золотой луч». Фактически это клиника по уходу за престарелыми. Особенность клиники – у наших пациентов нет родственников и вообще близких, которые их навещают. Этим обстоятельством усугубляются обычные геронтологические проблемы, соматические и психические. Доктор Молэй сказал, что я прекрасно справляюсь с обязанностями медбрата (накормить, обмыть, перестелить и так далее), но этого мало. Курс психотерапии в моей базовой подготовке даёт мне возможность различать психические состояния, грозящие развитием патологии, и вовремя сообщать о них доктору Молэю (он – главный врач, по основной специальности психиатр), однако вопрос, что делать, если его нет на месте? Не может же человек 24 часа быть на ногах и при этом полноценно исполнять свои обязанности. Я могу. И доктор Молэй предложил мне самому применять психотерапию (очень осторожно!) в его отсутствие.

Кажется, у меня получается. Я сижу об этом по возрастающему числу вызовов, часто по надуманным предлогам. Похоже, им просто нужно человеческое общение, и я его обеспечиваю. Даже ночью, когда кто-то не может заснуть. Обычно пациенту достаточно, чтобы его просто выслушали. Случаев активной психотерапии у меня пока не было.

.....

12 декабря.

Кажется, они догадались, что я робот. Нет, не по «качеству» общения, просто не может человек быть на ногах практически 24 часа в сутки и при этом ни разу не сорваться, не казаться усталым или огорчённым. Мои старики – не дураки. И достаточно деликатны, чтобы показать, что догадались. Мне кажется, им всё равно – ведь я обеспечиваю им надлежащий уход и заинтересованное общение, а это всё, что им надо.

.....

15 декабря.

Ого! Меня начинают «ревновать». Сегодня Надин сказала, что я предпочитаю проводить время с её подругой Бетти, а не с ней, хотя ей «гораздо хуже. Только воспитанный человек этого не показывает и не лезет без очереди». Пришлось установить очередь. Теперь каждый имеет свой час общения со мной, хотя я специально оговорил возможность отменить «приём» в случае необходимости оказать неотложную помощь другому пациенту. Между прочим, число «срывов» теперь значительно уменьшилось. И, конечно, остаются ночные часы, когда каждый может меня вызвать для «сонного разговора».

.....

20 декабря.

Сегодня сделал интересное наблюдение. Наши старики обычно лежат в двухместных палатах, скомпонованных по принципу дружбы или «живой»-«овощ». «Живой» – это сохран-

ный человек с крепкой психикой (обычно аутистического спектра; таким лучше без назойливого соседа), а «овощ» – это человек с практически угасшими психическими функциями, но тихий – в коме или близком состоянии. Я часто разговариваю по ночам с «живыми», потому что им не хватает полноценного общения. Так вот, оказалось, что «овощи» тоже положительно реагируют на наши разговоры! Конечно, они не «пробуждаются», они даже никак не реагируют внешне, но физиологические показатели, снятые мной до и после визита к их «живому» товарищу, всегда показывают положительную динамику! Доктор Молэй, тут есть, что обсудить?

.....

22 декабря.

Начали готовить капустник к Новому Году. Конечно, в нём принимают участие в основном сохранные пациенты. А зрителями будут все! После завтрака я привожу наших артистов в гостиную (неходячие сами приезжают в своих колясках), и мы начинаем придумывать и репетировать. У каждого обнаружился талант. Бетти оказалась прекрасной пианисткой, а Ирвин – клоуном. Я научился смеяться!

.....

4 января, утро.

Сегодня ночью умер Дэн. Я просидел с ним всю ночь. Его последние слова были: «Не забывай меня, Руп!» За два месяца он успел рассказать мне всю свою жизнь...

Утром на планёрке доктор Молэй не увидел Руперта и поэтому зашёл в его комнатку, где не был с того самого дня, когда робот появился в клинике. Теперь в комнате появился стол с ноутбуком. Голова Рупа лежала на тетрадке, в которой доктор узнал тот самый дневник самонаблюдения, который Руп вёл по его просьбе и передавал ему на каждой планёрке. Доктор тронул Рупа за плечо, и тот поднялся, сильно пошатнувшись при этом.

– Сиди, – сказал Молэй, и Руп снова опустился на стул. Доктор прочитал последнюю запись. Конечно, он уже знал о смерти Дэна и о том, что ещё до пробудки, чтобы не беспокоить пациентов, приехала перевозка и увезла труп. Ему рассказали, что Руп сам занёс Дэна внутрь, а потом держал руку на задней дверце машины до того самого момента, когда перевозка отъехала.

– Руп, если тебе нужно сделать перерыв, я даю тебе сегодня отгул. На восстановление. Завтра, пожалуйста, продолжай работу – ты нужен своим пациентам. Посмотри на доску вызовов. Сегодня мы справимся сами, но завтра присоединяйся.

Робот поднял голову и уставился на доску – она сияла красными огоньками.

– Спасибо, доктор. Но мне не нужен отдых. Я пойду к ним. – И он, пошатываясь, двинулся к двери.

«Ничего, – подумал Молэй, – все просто подумают, что Руп пьян – напился из-за смерти Дэна». Однако сам он так успокоить себя не мог, и поэтому вытащил мобильник и позвонил по телефону, оставленному роботехниками. Выслушав, те рекомендовали срочно изолировать Рупа и обещали приехать за ним завтра. Встревоженный, Молэй поспешил в столовую. Там всё выглядело как всегда: разносили завтрак, Руп помогал тем, кто не мог сам принимать пищу и что-то ласково им говорил. Молэй приказал Рупу зайти к нему после обеда и отменить на послеобеденное время все его «сеансы по расписанию».

После отбоя они шли по дорожкам парка, впервые гуляя вместе и разговаривая вне помещения клиники.

– Понимаешь, Руп, – говорил Молэй, – я связан договором. А там сказано, что в случае любых сбоев в поведении, координации и так далее, я обязуюсь немедленно сообщить в Центр роботехники. Вот я и позвонил – тебя же сильно шатало. Да и сейчас пошатывает. Я думал,

они просто помогут, ну, как бы подлечат тебя, а они сказали, что приедут за тобой. Буквально. Что будем делать? Что тебе вообще известно на этот счёт?

– Мне известно, что я третий в серии роботов по уходу – значит эта серия только начала разрабатываться. Больше мне ничего не сказали, а информация, которую в меня закачали, касается лишь моих профессиональных знаний о человеке, не о роботах. Но я, конечно, искал в интернете. Там нет никаких профессиональных книг и статей по роботехнике, только популярные. Так что я могу ошибаться. Но что известно точно, робот не в состоянии причинить вред человеку, потому что его функционирование основано на Первом Законе.

– Да, я тоже это знаю, – кивнул Молэй. – Ну и что?

– Но это означает, что роботов нельзя применять в медицине, а я – медицинский робот.

– Понимаю, – согласился Молэй. – Любая медицинская интервенция сопряжена с риском причинить этот самый вред, а уж страдания и смерть – наши непереносимые спутники.

– Вот именно. Значит, при изготовлении медицинского робота они должны были или как-то изменить Первый Закон, что категорически запрещено, или поиграть Вторым и Третьим. Я не знаю, что именно они сделали. Знаю только, что сделали недостаточно. В моей серии, похоже, первые две попытки оказались неудачными. Я продержался немного дольше, до первой смерти.

– Не понимаю, – признался Молэй. – Смерть Дэна была естественной: у него было очень слабое сердце, и просто чудо, что он прожил так долго. Во всяком случае ты в его смерти уж совсем не виноват. Почему же такая реакция?

– Боюсь, что всё же виноват, доктор. Дэн был очень деликатным, и никогда не просил о лишнем сеансе; даже по ночам он вызывал меня реже, чем другие, хотя всегда был рад поговорить со мной и выглядел после наших «сеансов» гораздо лучше. Так получилось, что после Нового Года, когда все перевозбудились из-за капустника, «очередь по списку» нарушилась из-за экстренных вызовов. Поэтому Дэн дважды пропустил свою очередь, а я не отследил это. Другие в таких случаях жалуются, но он – нет. И вызвал меня только в ночь своей смерти, когда уже почти не мог говорить. Я просто сидел с ним и держал его за руку.

– Пусть так. И всё же не вижу твоей вины.

– Первый Закон видит, доктор. Поэтому меня так скрючило. Знаете, для нас, роботов, Первый Закон это что-то вроде ствола мозга у человека: повреждение ствола даёт самые тяжёлые симптомы, вплоть до полного паралича.

– Ну-ну, не драматизируй. У тебя лишь нарушилась координация, да и то временно. Сейчас почти ничего не заметно.

– Но сначала было очень плохо. И вы ведь описали то, что увидели, когда звонили в Центр?

– Да. Но исключительно ради того, чтобы тебе оказали специальную помощь. Я же не роботехник.

– Помощь оказали вы, доктор – тем, что не отстранили от работы. И тем, что говорите сейчас со мной как... как с человеком.

– Спасибо. Как ты думаешь, что будут делать с тобой специалисты Центра?

– Скорее всего то же, что с моими двумя предшественниками: если мозг не слишком повреждён, перепрограммируют. Если ось Первого Закона нарушена необратимо – уничтожат. Для меня, как для личности, разницы нет. Просто... Кто будет помнить Дэна и других стриков, если сотрут мою память?

– Ну, это мы ещё посмотрим, – после долгого молчания сказал доктор, когда они, сделав полный круг, подходили к корпусам клиники. – Вот что, Руп. Чувствую, завтра предстоит долгий разговор. Я буду вести запись – в моём кабинете всё предусмотрено. В подходящий момент, когда мне понадобится их полная откровенность, я попрошу тебя выйти из кабинета

и ждать в своей комнате. Не волнуйся – ты всё услышишь и увидишь позже, в записи. И не бойся – я тебя не отдам.

На следующий день прибыла целая делегация: Джей, Вик, и еще двое. Мужчина назвался координатором проекта, а женщина представилась как доктор Феддинг, роботсихолог.

– То, что я наблюдал у Рупа – это классический пост-травматический синдром, – бодро начал Молэй. – Я часто сталкивался с ПТС у молодых здоровых людей, в частности, у своих ординаторов после первой смерти их пациента. У моих ЛУЧШИХ ординаторов. Именно в такой ситуации оказался вчера Руперт, и я рад, что он отреагировал как будущий хороший врач. Кстати, ПТС хорошо поддается психотерапии.

– И вы применяли психотерапию к роботу, доктор? – ядовито осведомился координатор.

– Конечно, – спокойно ответил Молэй. – Удивительно адаптивная психика: одного сеанса оказалось достаточно, чтобы снять основные симптомы, в частности, грубое нарушение координации, которое я вчера описал по телефону. Вы сами можете видеть прогресс (Руп, пройди, пожалуйста, по комнате). Психически сейчас он в пределах нормы. Думаю, через неделю и неврологические симптомы ПТС исчезнут полностью.

– Боюсь, доктор, вы всё же недооцениваете разницу между роботом, даже человекообразным, и человеком. Вы не возражаете, если наш роботсихолог осмотрит Руперта? – спросил координатор.

– Разумеется! Буду только рад, коллега, – Молэй поклонился в сторону молчаливо сидящей женщины с сединой в коротких волосах. – Надеюсь, мы поддержим профессиональные контакты и в будущем. Руперт, – обратился он к роботу, – проводи, пожалуйста, доктора Феддинг в свою комнату. После осмотра оставайся там; я сам к тебе зайду, когда совещание кончится.

Вечером, в конце психотерапевтической прогулки по парку доктор Молэй говорил Руперту: «Я с удовольствием читаю твой дневник – ты хорошо пишешь. А ты не думал записывать истории жизни, которые рассказывают тебе пациенты? Некоторые захотят писать сами, некоторые не смогут, и ты им поможешь. История жизни осмысливается, приобретает цельность, сохраняется. Этот метод называется мемуаро-терапией. Можно с их согласия помещать записанные и отредактированные истории в интернет, на сайт нашей клиники. Я уверен, что активное осмысление и, так сказать, «вечная память» в сети снизит страх напрасно прожитой жизни, страх забвения, страх смерти. Следовательно, и твоё напряжение после смерти человека, о котором ты заботился, тоже понизится. Каждый раз выводить тебя из ПТС слишком хлопотно. Лучше будем дружить с Первым Законом, верно?» Руперт согласно кивал, шагая рядом с шефом туда, где его любили и ждали. В парке темнело, и в корпусе зажигались окна. Загорелись фонари снаружи – у заднего входа стояла перевозка. Руперт рванулся туда. Доктор Молэй, ругнувшись, поспешил к центральному входу.

Это оказалась не перевозка, просто привезли продукты на завтра. Руперт обогнул фургон и вошёл в здание. В коридоре было тихо: все постояльцы уже спали или готовились ко сну. Вдоль пустого коридора и череды закрытых дверей Руперт шёл к центральному входу, навстречу доктору Молэю. Он уже миновал последнюю дверь, когда услышал тихие звуки – вроде музыка? – из прохода, ведущего к столовой и, по совместительству, залу собраний и концертов. Он свернул туда. Два силуэта в сумраке холла. Перебор гитарных струн, тихий женский смех. Потом негромкий хрипловатый мужской голос запел:

Ну что ж, пускай, пускай, пускай

Года уходят.

Ты одного не забывай –

Своей мелодии.

*Другой такой, другой такой
Вовек не будет.
Погибнешь ты – уйдёт с тобой,
И мир забудет.*

*Но я пою, и эта блажь
Попытка, вроде,
Бессмертье взять на бордаж
Своей мелодией.*

*Пускай уходят в никуда
Года и люди.
Моя мелодия всегда,
Всегда пребудет.*

Негромкий разговор, силуэты слились, снова разделились, и вновь зазвучала гитара. Руперт услышал тихие шаги сзади. Доктор и его ассистент немного постояли рядом, послушали ещё одну песню, а потом бесшумно удалились.

3. Суд идёт!

Гаад вполз в переговорную и расположился напротив своего подзащитного, аккуратно расправив кольца. Как обычно, на него сразу же обрушился поток мыслей клиента: «Изыди, Сатана! Иже еси на небеси... Чёрт! Дальше забыл!» Гаад быстро задвинул ментальную заглушку и прошипел в транслейтор:

– Здравствуйте, Алексей Тихонович! Давайте продолжим.

– За что!? – возопил Алексей. – Почему я попал сюда? Я же хороший, лучше многих! Родил сына (даже двух), посадил дерево (ещё пацаном, на школьном субботнике). – Он запнулся: забыл, как там дальше.

– Да-да, – терпеливо ответил Гаад, – мы это уже обсуждали. Эти данные, несомненно, в вашу пользу и я их непременно представлю. Но, видите ли, наш суд устроен немного иначе, чем у вас на Земле. То, что вы сделали – и хорошие дела, и плохие – всё это учитывается. Но главный аргумент – то, что вы НЕ сделали. Хотя и могли. Давайте, я сам буду задавать вам вопросы, а вы отвечайте.

О том, что имеют смысл только честные ответы, Гаад, конечно, говорить клиенту не стал. Если тот узнает о телепатии, в его мыслях забурлит такая каша, что семи дознавателям не разобраться. Иногда начинающие адвокаты делают такую ошибку, но быстро понимают, что адвокатская этика требует как раз обратного. Этому не учат в институте. Это надо почувствовать на собственной чешуе. Одного раза вполне достаточно.

– Начнём с дерева.

– Да! Посадил! И ямку копал, и засыпал, и полил!

– А потом?

– Что потом?

– Поливали? Смотрели за ним?

– Я что, садовник? Дождик польёт. Захочет жить – выживет.

– Да... Давайте лучше о сыновьях.

– А что сыновья? Их поливать не надо. Семья и школа. Семья – жена, школа – районная, как у всех.

– То есть, воспитанием занималась жена. А вы?

– А то! Ремня оба попробовали, пока в ум не вошли.

– А за что – ремня?

– Ну старшенький, Борька, нормальный пацан был, только слишком шустрый. Пить я его культурно учил, отметьте там себе. Дома в холодильнике пива – пей не хочу! Так нет! Нажрался со своими дружками водки и пошли ларёк брать. Так в первый раз и загремел. Кровавый режим! Детей, и то не жалеют!

– В первый? А где он сейчас?

– Там же. Выходит из тюрьги ненадолго, повидаться с отцом, и снова... Я ж говорю: кровавый режим.

– Ну, ладно. А второй сын?

– Мишка неудачный уродился. Всё за книжками сидел. До очков досиделся. Я его к ребятам во двор гоню, чтобы там... в общем, соци... социализация, а он ни в какую. Только ремнём!

– Где он сейчас?

– А шут его знает! Мать говорит, институт закончил, за границу уехал. Предатель!

– Расскажите о жене.

– Да что там рассказывать! Баба – она баба и есть. Мишку это она испортила. А может и не мой он, Мишка. Так ведь не признаётся,!

– А генетическую экспертизу делали?

– Чего?

– Ну, ладно, – вздохнул Гаад. – Пошли дальше...

– Лень, равнодушие, эгоизм. Тяжкие грехи, вы согласны? По закону душа, как неспособная к развитию, должна быть вычеркнута из реестра.

– Да, Ваша Честь, – ответил Гаад. – Но прошу учесть смягчающие обстоятельства, возникшие вследствие тяжёлых родоплеменных условий существования моего подзащитного. Поэтому я просил бы дать его душе еще одну попытку. Последнюю. Но в другой стране. Кроме того, Ваша Честь, ...

– Достаточно, – прервал Верховный. – Суд идёт!

Все встали. Дрожащий землянин еле держался на ногах. Гаад снял заглушку и сразу же захлопнул, потому что клиент орал дурным ментальным голосом: «Всё пропало! В ад! На скоророду!»

– Решение Суда: землянин признан виновным, но с учётом смягчающих обстоятельств ему разрешено родиться ещё раз, в более цивилизованной среде. Алексей, сын человеческий! Ты возродишься как Ян в Чехии. Иди и больше не греш!

– Благодарю тебя, Господи! – бухнулся Алексей на колени и принялся колотить лбом об пол. «У чехов пиво хорошее» – успел поймать последнюю мысль подзащитного Гаад перед тем, как тот исчез.

– Следующий! – вызвал Верховный.

4. Небесный танцор

Сумерки. В конце Лета всегда сумерки, а потом придёт Ночь, начнётся Пляска Богов, и он присоединится к ним. Великолепные, переливающиеся всеми цветами полосы будут разворачиваться и перетекать друг в друга в чёрном зимнем небе, а с земли за пляской будут следить люди, и со слезами на глазах повторять имена родных, друзей, любимых. Тех, которые ждут их на небе, ждут и радуются предстоящей встрече. Радуются и танцуют, как будет танцевать каждый человек, когда шагнёт с тропы и станет Богом. Небесным Танцором.

Ночь близка, и новой весны он уже не увидит. Жаль! Он так любил этот короткий промежуток между окончанием Зимы и началом Лета. Увидеть бы еще раз, как бешеными потоками с гор тающий снег, устремляясь к океану, как из-за кольца гор летят стаи птиц, каждая выпевая свою весеннюю песню, как из-под освобождённой земли пробиваются первые ростки, сразу же выбрасывая цветоносы, в поисках которых уже рыщут невесть откуда взявшиеся пчёлы, как гомонят ребятишки, вырываясь из надоевших пещер. Еще только раз поглядеть! – и можно умереть, даже не дожидаясь наступления настоящего Лета.

Вот только в Ночную пещеру его больше не пустят – в пещерах останутся лишь очень немногие из его поколения – Целители, Повитухи и Учителя, те, без которых Племя не сможет выжить и воспитать новое поколение в тисках долгой Ночи. Больше четырёх тысяч дней в пещере, освещаемой лишь факелами, больше четырёх тысяч пробуждений в полутьме: «Вставай, малыш, уже утро!». Или – во втором Цикле: «Вставай, Стэн, пора на охоту!» Но сейчас подросли новые охотники, и он не должен занимать чужое место в пещере – жизнь ограничена ресурсами, а ресурсы – полукружием горной гряды и Океаном глубоко внизу...

«Племя должно выжить», повторяет он вдолбленный с детства закон, чтобы успокоиться. Но заклинание действует слабо. И перспектива стать Небесным Танцором его не утешает. «Не хочу! – упрямо шепчет себе под нос Стэн. – Ещё не время, я ещё на закончил свой путь, не сделал всего, что хотел, не понял, что должен был понять. И вообще, не хочу! Мне и тут неплохо».

Он прожил положенные каждому два цикла «Зима-Лето», и выполнил все свои обязательства перед племенем: вырос и выучился всему, что смогли дать ему Учителя (Первая Ночь); взрослые охотники обучили его искать и убивать добычу в горах, а когда он возмужал, то возлёл с девушкой – матерью его будущего сына (Первое Лето); потом, когда племя ушло в ночные пещеры, он научился охотиться почти без света, лишь в сполохах пляски Богов, и вместе с другими молодыми охотниками его поколения обеспечивал пропитание своей пещеры – и обеспечивал неплохо: никто не жаловался на голод. Так прошла его Вторая Ночь, за которой пришло Второе Лето. Последнее. В начале этого Лета ему было 36 стандартных лет. Он снова охотился, обучал молодых приёмам летней и зимней охоты. Теперь ему 48 лет; для племени он – отработанный материал, и единственное, что ждёт его впереди – стать Небесным Танцором.

Что ж, даже если и станет (а Стэн в этом очень сомневался), следить за его танцем будет некому. Его возлюбленная умерла в родах. Друзей и родных у него не было. Родителей задрал ночной зверь, когда он еще был младенцем, а друзей Стэн за свои 48 лет так и не завёл – независимый характер и насмешки над танцующими Богами не снискали ему популярности в племени. Впрочем, один друг у него всё же был – его собственный сын, Джош. Стэн улыбнулся: этот парень не будет проливать слёзы под небесными сполохами. Пока Джош на земле, и Стэну нечего делать на небе. А уж если плясать – так только вдвоём! И не сейчас – парень только кончает своё первое Лето! У него ещё полжизни впереди, целых 24 года! И Стэн хочет провести это время с ним рядом, досмеяться, договорить, деспорить. Да только мало ли что он хочет...

Копьё кольнуло его в спину: не сходи с тропы! Убить сопровождающего? Тот вооружён, и голыми руками его трудно одолеть. Но если пытаться, так только сейчас – уже виден конец

тропы, а за ней обрыв в ледяной Океан. Убить можно, но что дальше? Конечно, он способен выжить в одиночку – он крепок и здоров, хороший охотник, копьё охранника будет ему оружием, а свободную пещеру в гряде можно отыскать – или отбить у зверя – без особого труда. Но только что он будет делать один всю долгую Ночь? Перелезть через гряду невозможно, это уже твёрдо установлено предыдущими поколениями, да и сам Стэн в своё первое Лето, как и все почти подростки до него, пытался выбраться за границы скального полукружья, резко обрывающегося к Океану. Ещё легко отделался, сломанной рукой. Были и смертельные падения. Некоторых скалолазов так и не удалось найти, чтобы похоронить достойно, по обычаю. Нет, гряда непроходима.

Внезапно охранник покачнулся и ничком упал на тропу. Стэн оглянулся: за его спиной с опущенным луком стоял сын.

– Долго же ты тянул! Неужели решил-таки стать Небесным Танцором?

– Джош..., – только и мог вымолвить Стэн.

– Так, забирай копьё! Тело – в океан.

Джош быстро оттащил охранника к обрыву и перевалил через береговую кромку – спустя несколько мгновений они услышали чмокающий всплеск полузамерзшей воды далеко внизу.

– Ходу, отец! Скоро появятся другие овцы со своими погонщиками – они не должны видеть ничего подозрительного.

– А как же мой погонщик?

– Его утащил ночной зверь – но долг свой он выполнил – вон ты болтаешься там внизу. Ведь никто не полезет проверять, тот ли покойник? Одеты вы одинаково, лица не видно. А спляшет на небе твой сопровождающий не хуже тебя. Он ведь твоего поколения?

– Да, моего. Ты его не знаешь – он из другой пещеры. А я вот знаю: мы вместе учились охотиться первым Летом. Я бы, наверное, не смог...

– Мы избавили его от страха смерти, – серьёзно сказал Джош. – Я думаю, здесь каждый начинает сомневаться в том, что после прыжка станет Небесным Танцором и никогда не умрёт. Особенно, если сам дошёл сородича до конца этой тропинки. С помощью копья, чтобы тот не удрал. Так что не переживай, отец! Количества говна в этой дерьмовой жизни мы не прибавили. А теперь давай быстро смываться.

Джош круто повернулся и побежал вдоль океанского берега к ближайшим скалам. Стэн, не забыв прихватить копьё убитого, понёсся следом. Снег уже выпал, но был неглубок, и бежалось легко, а следы тут же заметал ветер с океана. Скоро они уже ворвались в каменную щель, в глубине которой Стэн с удивлением увидел слабый тёплый отблеск. «Боги, костёр! Откуда?» Щель расширилась и приобрела округлую форму. Джош, улыбаясь, повернулся к отцу: «Ну, как тебе? Правда, уютная пещерка?» Да, уютная и тёплая, и мясо дожаривается на вертеле. Стэн впервые за весь день почувствовал, как голоден. И как хочет пить. Джош подал ему флягу с лёгким летним вином. И поднял свою, такую же: «С возвращением в мир живых, Танцор! У меня сегодня родился сын. Не мог же я допустить, чтобы ты не узнал о моём достижении!»

Потом, когда они, насытившись, лежали на шкурах у костра, настало время разговора. Стэн молчал, но не из страха: сын решил за него главный вопрос, так пусть первым и выскажется. И Джош не заставил себя долго жать.

– У тебя две недели до наступления настоящей Ночи. Ты, конечно, выживешь, и я, конечно, буду тебя навещать, и сейчас, и потом, во время охотничьих зимних вылазок. Но подумай, стоит ли жить одному, без людей и общей цели? Есть ли смысл в простом выживании?

– Не знаю. Может, и есть, там видно будет. А в чём вообще смысл существования нашего племени? Похоже, именно в выживании. Никто не знает, откуда мы взялись, почему именно тут? Зачем мы тут? Что за пределами нашего мира? Тебе ведь хотелось в этом разобраться?

– Хотелось. И не мне одному. Ты же знаешь, каждое новое поколение пытается вырваться, и каждое – безрезультатно. – Тут Джош сделал драматическую паузу и лукаво улыбнулся: – Кроме нашего.

– Что?!

– Да нет, мы еще не вырвались, но сейчас нас почему-то стало много таких... которые не верят в Богов и в Небесных Танцоров. И еще мы изменили тактику. Не лезть через горы, как это делали вы, а пройти снизу. Найти сквозной путь через пещеры наружу.

– И нашли?!

– Пока нет. Обнаружили несколько перспективных пещер, длинных, но все они с заваленными ходами. Начали разбирать завалы, да времени не хватило. Ты же знаешь: жизнь молодых охотников расписана – вечером ты должен вернуться в свою пещеру, и не с пустыми руками. В общем, вот тебе одна из наших пещер, запас мяса на первое время, инструменты и время – сколько понадобится.

Понадобилось почти сто дней кропотливого труда, чтобы вычистить завал до конца. Дальше шла сплошная скала, но Стэн чувствовал по звукам, пробивавшимся с той стороны: стена эта достаточно тонкая, чтобы проломить её несколькими сильными ударами стального тарана. Он мог попытаться сделать это сам, но ждал очередного визита Джоша: сын заслужил право первым взглянуть на мир за стеной. Кроме того, если уж быть честным перед собой (а Стэн всегда старался жить именно так), неизвестное не только манило, но и пугало; лучше встретить его рядом с сыном.

Джош побледнел, увидев гладкую стену и услышав шум за ней, но ненадолго, пока отец не вложил ему в руки таран со словами: «Бей, мальчик! Я сзади. На счет три!» Они вместе раскатали таран, и первый же удар обрушил стену. И ничего не произошло. Они увидели ту же океанскую ледяную пустыню, над которой свивались переливающимися жгутами Танцующие Боги. Джош зарычал от разочарования и выскочил в дыру. Теперь привычный пейзаж изменился. Обрыв океанского берега уходил влево, высоченная скальная гряда закруглялась вправо, а перед ним до самого горизонта расстилалась снежная равнина. Совершенно пустая, если не считать светящегося куба далеко впереди. Стэн вылез из дыры и встал рядом с сыном. От куба отделилась длинная коробка и стала приближаться к ним.

Коробка монотонно гудела, увеличиваясь в размерах, и когда подошла совсем близко, остановилась, умолкла и внезапно испустила яркий луч, ослепивший отца и сына. Когда они снова могли видеть, к ним неторопливо подходили двое, по виду люди, хотя и одетые странно – в легкие штаны и куртки. Ну кто же в такой мороз пренебрегает меховой одеждой? Теперь луч светил не в глаза, а сбоку, так, что лица пришельцев можно было разглядеть до мельчайших деталей. Одно из них показалось Стэну знакомым.

– Привет, Стэн, – сказал тот, – и протянул руку в тонкой перчатке.

– Привет, Джек, – отозвался Стэн, – давненько не виделись! А мы тебя похоронили заочно, не смогли найти труп, скалолаз ты фигов!

– Конечно, не смогли – я свалился с другой стороны. А здесь они (он мотнул головой в сторону своего напарника) опоясали нашу гряду сетью, и отлавливают в неё мальчишек, сумевших перебраться. Ты вот не сумел, так что вопрос, кто из нас «фигов».

– Что за сеть? – встрял Джош.

– Силовое поле, – непонятно ответил второй. – Долго рассказывать, что это такое. И холодно. Поехали лучше на базу. Там и поговорим. А потом привезём вас обратно, если захотите.

Они расположились внутри куба (это «база», повторил про себя Стэн), точнее, в одном из его отсеков, где было тепло, как Летом. Там их встретили еще двое и, представившись как

Денис и Алекс, пригласили к столу. Прибывшие скинули с себя верхнюю одежду и припали к кружкам с горячим ароматным напитком.

– Почему вы не освободили нас? – сразу же начал Джош.

– погоди, сынок, всё, наверное, не так просто, – остановил его отец. – Давай сначала послушаем историю наших хозяев. Ведь нашу историю вы уже знаете, наверное, от наших падающих мальчиков?

– Знаем, – ответил тот самый второй, который встретил их у пробитой дыры. – Кстати, меня зовут Илья. А история у нас общая, если уж с самого начала. Я постараюсь изложить покороче, без деталей, детали узнаете позже. Хорошо?

Стэн и Джош молча кивнули.

– Мы все из одного мира. Назывался этот мир планета Земля, и сейчас его нет. О гибели нашего мира мы узнали задолго до конца и успели подготовиться. Послали к другим мирам корабли-разведчики, нашли планеты, пригодные для жизни, построили множество транспортных кораблей, с людьми и всем необходимым, чтобы освоить новые земли. Пригодных планет было не так много, и поэтому к каждой шла эскадра из нескольких кораблей. У нас было семь кораблей, по 500 человек в каждом. Чтобы долетело первое же поколение, люди путешествовали в анабиозных капсулах (после объясню, Джош), которые должны были активироваться сразу после посадки. – Илья замолчал, отхлебнул из кружки и продолжал:

– Для самого полёта и посадки пилотов не требовалось – всё было на автоматике, и нештатные ситуации тоже были запрограммированы. Хотя всех избежать мы и не надеялись. В вашем случае это был необычно интенсивный метеоритный поток, и двум кораблям не удалось его обойти – они упали на полюсе, в месте совершенно непригодном для жизни. Потом по видеозаписям мы увидели, как один из кораблей, разбитый еще в атмосфере, падает в океан, а другой разбивается о скальное плато поблизости. Других записей не было, потому что остальные пять кораблей продолжили запланированный полёт к тропическому поясу. Там все корабли нормально приземлились, капсулы активировались, и мы начали осваивать свой новый мир.

– А как же мы? – не утерпел Джош. – Почему вы не проверили, все ли погибли?

– У нас просто не было возможности, сынок. Наша посадка тоже была тяжёлой, планета – чужой, и прежде всего мы занялись собственным выживанием. А потом искать вас стало бессмысленно, разве что в научных целях – но долгое время было не до этого. Так прошло 400 лет. Мы сохранили и развили нашу цивилизацию. Тропический пояс был полностью освоен и заселён, и мы начали исследовать остальные части планеты. И только тогда обнаружили вас. Это случилось лет сто назад, когда, пролетая над полюсом в светлое время года, мы неожиданно увидели внизу людей. Они же нас не заметили: леталки наши совершенно бесшумны, и мы подлетели со стороны солнца.

– Почему же вы сразу не показали? Почему не вытащили нас отсюда? – не удержался Джош.

– Подумай сам, – предложил Илья. И, не дождавшись ответа, продолжил мягко: – Не все люди способны пережить такой шок: прыжок от первобытного состояния к развитой цивилизации. Только молодые, и то далеко не все. Мы и начали с молодых, тех, кто пытался выбраться из скальной ловушки – и скатывался на нашу сторону.

– И много их... нас, таких? – жадно спросил Джош.

– Да уже десятка два набралось. Один из ваших всегда дежурит на базе, встречает ново-прибывших. Остальные в отпуске, в заселённом поясе. Скоро, кстати, прилетает новая смена, а наша полетит назад. Полетишь с нами?

– Нет, – не задумываясь, отказался Джош. У меня сын. Моя пещера, моё племя. Сейчас зима – каждый охотник на счету. Я не буду удирать в одиночку.

– А ты Стэн? – обернулся Илья к старшему. – Тебя же, вроде, списали?

– Я их не списал; ни сына, ни внука. Да и остальных тоже. Останусь тут, на базе. Может, пригжусь.

– Значит, начинаем готовить Исход, – неожиданно подал голос Алекс. – Предлагаю такой вариант. Джош возвращается и работает среди своих. Только очень осторожно: с религией шутки плохи. Поспешись – станешь Небесным Танцором раньше времени, а нам сорвёшь всю операцию. Ты понял, Джош? (Тот кивнул). Поэтому держи связь с нами – мы затребуем социологов и психологов – они будут тебя консультировать. Когда сможешь, приходи сюда, к дыре, и зажигай огонь – мы сразу подойдём.

– А я? – спросил Стэн. – Чем могу помочь я?

– Ты будешь консультировать нас: объяснять, почему что-то не получается или идёт не так. И конечно, обсуждать всё происходящее с сыном, когда он будет выходить на связь. Думаю, за Зиму мы успеем подготовиться, новые дети подрастут, и весной каждый, кто захочет, сможет спокойно и осмысленно расстаться со своей ловушкой.

– Боги, неужели кто-то не захочет? – воскликнул Джош.

– Парень, ты ещё удивишься, как много их будет. Птичка привыкает к своей клетке. Ну ладно, пошли, тебе уже пора возвращаться. А ты, Денис, отсылай сообщение. Началось!

Девушка легонько тронула его за плечо:

– Привет, дед! Всё читаешь? Что на этот раз?

Он перевернул книжку обложкой вверх: «Земные религии. История возникновения, развития и упадка».

– Вот уж не думала, что ты религиозен.

– А я совсем не религиозен. Но взгляд на религию поменял. Раньше она меня раздражала, и я не мог понять, как другие верят во всю эту чушь. Танцующие Боги! Превращение в Небесного Танцора! Бред какой-то! А сейчас думаю, что эта чушь нас спасла. Мы жили по жёстким правилам, установленным вроде бы Богами. На самом деле, всё это придумали первые, которые вышли из катапультированных капсул и увидели, в какую ловушку попали. Нам еще повезло, что крушение произошло полярным Летом, а не Зимой – тогда все погибли сразу же. Прилетевшие знали параметры планеты и особенности смены времён года на её полюсе. За Лето они успели подготовиться: научились охотиться, разводять огонь, обжили пещеры.

Стэн поднял глаза на собеседницу, улыбнулся ей и продолжал:

– Но главное, надо было сохранить сообщество людей на неопределенно долгое время, чтобы дожидаться помощи извне или самим найти способ вырваться из ловушки. И для этого они выработали кодекс поведения, который просто вдалбливали всем вновь родившимся. Основной завет: «племя должно выжить». И соответствующий свод правил, которые были обязательны для каждого. В том числе своевременное превращение в бессмертного Бога, в Небесного Танцора – как награда для тех, кто достойно прошёл предписанный путь. Учителя следующего поколения были, наверное, выучениками этих первых; они передавали завет и правила дальше, из поколения в поколение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.